

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ И ФАКТОР СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ О КРИМИНАЛЕ

© 2016 г.

*А.Г. Горшенков,¹ Г.Г. Горшенков,² Г.Н. Горшенков³*¹Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, Н. Новгород²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Н. Новгород³Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

gen7976@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2016

Излагаются подходы к новому пониманию науки о преступлении, которое основывается на первоначальном, историческом опыте научного исследования криминала в целом и преступления как отдельного его проявления. Доказывается необходимость интегрирования общих основополагающих идей, положений научных дисциплин антикриминального цикла в единую систему знаний о преступлении и наказании, причинах и мерах предупреждения, политического обеспечения системы противодействия преступности на единой методологии.

Ключевые слова: криминал, преступление, наказание, родовая криминология, «расширенная наука», криминологическая отрасль, уголовная политика, науковедение, функции.

В марте 1738 года в Милане, главном городе северной части Италии, в знатной семье патрициев родился мальчик, который в 26 лет заявил о себе как о будущем классике юридической мысли. Такое «заявление» он сделал, сам того не предполагая, опубликовав анонимно произведение «О преступлениях и наказаниях». Имя автора – Чезаре Беккариа Бонесано, один из основоположников классической школы криминологии, или учения о криминале.

Судя по названию, автор обратился к исследованию двух важнейших институтов уголовного права. Однако в содержании книги открывается более широкий диапазон проблемных аспектов, которые присущи не только преступлению и наказанию, а проблеме *криминала* вообще.

Слово «криминал» (латинское *crimen*), как известно, означает не только «преступление», но и все, что имеет к нему отношение, а именно: «обвинение», «упрёк», «обвиняемый», «преступник», «вина», «прелюбодеяние», «недостаток», «вред»; «предмет разбирательства», «дело»; «нарушение права»; «уголовное судопроизводство» и т.п. Буквально обо всем этом размышляет ученый, но ставит во главу угла преступление как основной, первичный объект изучения, в котором аккумулируются начала ряда направлений исследования, в частности внимание Беккариа привлекают вопросы о том, какие должны быть основания наказания, его «мерила»; какие цели наказание должно преследовать; при каких условиях должно применяться наказание; от чего зависит его эффективность; как должен вести себя судья; какими

должны быть доказательства, в том числе – свидетельские и т.д. Ответы на эти вопросы интегрируются в ответ на общий вопрос: как предупредить преступление?

В рассуждениях Беккариа четко просматриваются два направления в предупреждении преступлений, главным образом в зависимости от применяемых методов: а) специальных, т.е. основанных на антикриминальном (прежде всего материальном, процессуальном, исправительном) законодательстве; б) не специальных, или общих, т.е. методов воспитания, в том числе правового, просвещения, воздействия общественного мнения и т.п. Но поскольку ученого интересует прежде всего юридический аспект предмета исследования, то в этом направлении и получает развитие его мысль.

Ученый почти не задавался мыслью о генезисе преступления. По его рассуждениям можно однозначно понять, что преступление, как форма проявления зла, *изначально присуще обществу*. Обращаясь к человеческой истории, Ч. Беккариа приходит к такому выводу: все, что происходит в обществе и природе, подчинено законам материального мира. По убеждению ученого, массы лишены возможности твердо усваивать правила поведения и «противостоят всеобщему закону разложения, проявление которого наблюдается и в мире физических явлений, и в сфере морали» [1, с. 68].

Именно это важное, можно сказать, методологическое положение определяет закономерный вывод ученого о более чем сдержанной оценке предупредительной силы закона в про-

тивоедействию криминалу. «Нельзя свести бурлящую деятельность людей к геометрической строгости без исключений и неясностей, – пишет ученый. – Подобно тому, как неизменные и простейшие законы природы не препятствуют отклонениям в движении планет, человеческие законы так же не могут при бесконечных и диаметрально противоположно направленных силах притяжения наслаждения и боли предупредить столкновения и нарушения в жизни общества» [1, с. 229–230].

Эта постигнутая Ч. Беккариа истина в значительной мере определяет его политические убеждения в отношении ограниченных возможностей уголовной системы, поиска путей повышения эффективности этой системы, в определении принципов (справедливости, гуманности, незамедлительности, адекватности, неотвратимости и т.д.) наказания и в целом института предупреждения преступлений. Кстати, в этом институте Ч. Беккариа отводил значительную роль (при условии реализации указанных принципов) наказанию. По мнению ученого, наказание, во-первых, должно преследовать цель предупреждения новых деяний преступника, во-вторых, путем устрашения удерживать других людей от подобных поступков. Эту вторую цель Ч. Беккариа называл «политической целью наказания».

Политический характер цели можно объяснить, во-первых, тем, что она не имеет адресата, а именно – ее устрашающее воздействие направлено на неопределенный круг лиц; во-вторых, такая безадресность цели не может предвосхищать реального результата; в-третьих, устрашение наказанием не может не оказывать сдерживающего психологического воздействия, и особенно – через общественное мнение, на тех, кто не столько боится законов, сколько опасается выглядеть нелестно в глазах общественности, быть осужденным общественностью.

Анализируя «деспотизм» общественного мнения, Ч. Беккариа обращает внимание на его позитивные свойства, которые по-разному влияют на поведение людей. «...Человек честолюбивый стремится завоевать признание общественного мнения для поднятия собственного престижа, – пишет Ч. Беккариа, – тщеславный делает это для подтверждения собственных заслуг, а человек чести считает своим долгом быть признанным в глазах общественного мнения» [1, с. 98].

Труд Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» правоведы рассматривают как одно из главных произведений классической школы уголовно-правовой науки, а самого ученого – фактически как одного из первых реформаторов

уголовного права. Но и криминологи считают данное произведение «своим» и находят в криминологических воззрениях Беккариа многие положения о детерминации преступности, уголовно-правовой превенции, общего предупреждения преступлений и т.д. Например, в учебнике по криминологии Г.Г. Шиханцова читаем: «Чезаре Беккариа (1738–1794) считался непосредственным предшественником, а по мнению некоторых авторов – основоположником криминологической науки» [2, с. 23].

Нам представляется, что также можно говорить и о не менее существенном вкладе ученого в разработку основоположений уголовного судопроизводства. Хотя, например, немецкий публицист, критик (между прочим, член Российской академии наук) М. Гримм дает этим положениям Беккариа сдержанную (но дает!) оценку, отмечая, что тот «ограничивает свое понимание уголовного судопроизводства небольшим числом принципов, наиболее простых и очевидных, которые являются источником всех его идей» [1, с. 25]. Автор имел в виду, в частности, быстроту, неизбежность наказания; равную ответственность перед законом; бесполезность, если не вредность, суровости наказания; отмену смертной казни и др.

И еще один аспект концепции Ч. Беккариа о преступлениях и наказаниях привлекает внимание – политический.

Например, один из основоположников криминологии (социологического направления) Ф. Лист, рассуждая о важности исследования причин преступления, которые коренятся как в испорченности преступника, так в недостатках самого общества, из чего необходимо исходить в уголовной политике, определял «уголовную политику именно как систематическую совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, — оснований, сообразуясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [3, с. 7].

А именно такого рода положения и содержатся в книге Ч. Беккариа. По сути, в книге представлена концепция противодействия преступности, а это есть не что иное, как идеологическое, или концептуальное, начало уголовной политики, поскольку в этих началах, или основе, определены те руководящие принципы, с которыми и «сообразуется государство» в широкомасштабной своей деятельности по мобилизации сил и средств на борьбу с преступностью. Например, в книге ясно определяется, говоря современным языком, стратегия и тактика уголовного наказания как политико-

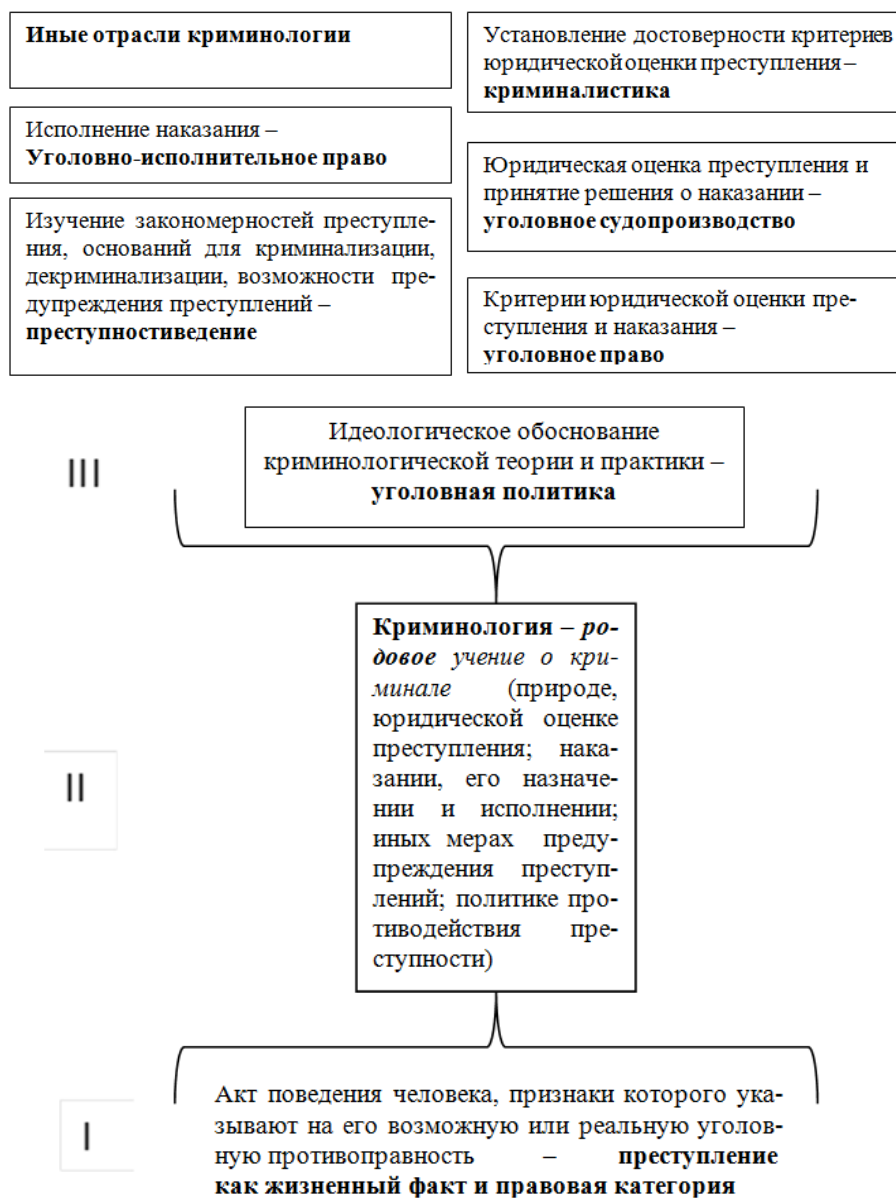

Схема. Криминология как общетеоретическая наука

правового института. «В интересах всего общества не только добиться прекращения совершения преступлений вообще, – презюмирует Ч. Беккариа, – но и свести к минимуму совершение наиболее тяжких из них». И далее указывает на необходимость в связи с этим решения (тактических) задач: «Поэтому эффективность мер, препятствующих совершению преступлений, должна быть тем выше, чем опаснее преступление для общественного блага и чем сильнее побудительные мотивы к совершению преступления» [1, с. 83].

Таким образом, исторический труд Ч. Беккариа содержит, в частности, две усматриваемые нами особенности. *Первая* заключается в том, что преступление как объект научного исследования представлен многогранно. В нем сфокусированы родственные проблемы – юридиче-

ского, этиологического, политического и иного характера. Из этого следует, что каждая из таких сложных проблем инициирует научную мысль, наполняя ее спецификой предметных знаний. Таким образом, содержательное богатство объекта исследования (преступления) является той весьма плодородной научной почвой, на которой «произрастают» отрасли, подотрасли, развиваются частные концепции, т.е. действует известная закономерность (дифференциации и интеграции) научного познания (см. схему).

Вторая особенность вытекает из той же закономерности, но только проявляется уже во второй стадии – интеграции. И здесь предметные знания об объекте преобразуются в единую «родовую» систему, для которой характерны

единые общие цели, функции, принципы. Эту родовую науку мы называем «**криминологией**» как общую теорию, или общетеоретическую дисциплину всего антикриминального (криминологического) комплекса дисциплин. Так и напрашивается сравнение криминологии с материнской платой, подразумевая под компьютером сложнейшую систему уголовной юриспруденции.

Итак, преступление как *жизненный факт* и *многогранный объект юридического исследования* открывает двери для проникновения в его разные сферы предметной сущности, рождая соответствующие отрасли знаний. Отрастающая ветвь, проникаясь социальной сущностью предмета изучения, имеет сложный характер ввиду ее органической энергетической связи. То есть каждая отрасль «впитывает» в себя общие, родовые свойства (*особенность* социальных (право)отношений и их природы) и в то же время отличается определенными признаками (психологического, экономического, политического, информационного... характера).

Например, профессор А.И. Долгова, критически оценивая позицию ученых, которые рассматривают (современную, отраслевую) криминологию как социально-правовую науку, пишет: «Но, строго говоря, вообще юриспруденции присущ социологический в широком смысле слова взгляд на мир... В юриспруденции уже давно преодолен исключительно юридико-догматический подход» [4, с. 309]. *Вредный* (определяемый законом как общественно *опасный*) акт социального поведения вызывает у политика, законодателя осознание необходимости дать этому акту, или «жизненным обстоятельствам», юридическую оценку, которая, заметим, ничего в данном событии не меняет, но для его деятеля (преступника) может иметь судьбоносное значение.

Эта негативно-ядровая сущность явления – преступления определяет и юридический характер изучения. Например, мотивация поведения – это, как известно, психофизиологический процесс, который управляет тем самым актом поведением человека. Акт оценивается как криминальный, и соответственно мотивация получает другую оценку, «становится» криминальной.

Вот на этом «стыке» условного перехода психофизиологического признака в правовой и «рождаются» соответствующие отрасли – криминальная психология и криминологическое учение о личности преступника, механизме преступного поведения, жертве преступления.

Знаменитый австрийский ученый, основоположник криминалистики и юридической психологии Ганс Гросс, который первым «вращивал» один из таких «побегов», т.е. будущей от-

расли «криминологического» (уголовного) права – криминалистику, объяснял такое «вращивание» следующим образом. Он анализировал предмет познания преступления в материальном и процессуальном аспектах, т.е. как с позиции *материального* уголовного права (изучения преступления и наказания), так и с позиции *формального (процессуального)* уголовного права, или применения материального уголовного права.

При этом обращал внимание на то, что обе эти отрасли права, определяя, что такое преступление и какое наказание за него следует, не задавались вопросом о том, каким способом преступление было совершено (добавим при этом: это же важно не только для установления природы самого преступления, но и не менее значимо для предупредительного воздействия на эту природу, дабы препятствовать появлению возможных подобных деяний).

«Как исследовать эти способы и раскрывать их, – задавался вопросом ученый, – какие были мотивы к совершению такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс» [5, с. 3]. И приходил к выводу о необходимости углубленного изучения данного аспекта преступления: «Это составляет предмет криминалистики и особенной части ее: криминальной психологии» [5, с. 3].

При этом Г. Гросс находил свое детище (криминалистику) в тесном ряду с такими родственными отраслями, как криминальная антропология, криминальная психология, криминальная социология, криминальная статистика. И, по убеждению ученого, надлежало выделить самостоятельную, группу отраслей, включающую тесно связанные между собой научные теории, но которые должны оставаться «вспомогательными науками уголовного права», т.е., вновь подчеркнем, учения о криминале.

Такой же «судьбой» отличается, на наш взгляд, та отрасль учения о криминале, предметом изучения которой был избран аспект, близкий к криминалистическому, – *причинности*, но также со своим логическим его продолжением – аспектом *превенции*. Сегодня эта отрасль получила одноименное с *общетеоретическим*, или родовым, термином «криминология» (напомним: учение о криминале) свое название – (*отраслевая*) криминология (опять же уточним: учение о преступности и мерах предупреждения преступлений, или «преступноведение»).

И ныне, в результате смешения значения этого термина, соответственно смешиваются и понятия этих двух – родовой и видовой – криминологий. В литературе по-разному осмысливают ту отрасль знания, которую именуют кри-

минологией: «социология преступности», «юридическая наука», «клиническая наука», «уголовная социология», «социология преступности», «комплексная наука», «междисциплинарная наука», «общетеоретическая наука», наконец, «социолого-уголовно-правовая» и т.п. Более чем за двести лет криминология так и не обрела четкого статуса науки.

Судьба криминологии чем-то напоминает Ивана, не помнящего родства, т.е. человека, забывшего традиции, обычаи предков, отрекшегося от бывшего своего окружения... «относительно самостоятельная наука». За триста с лишним лет так и остается неразрешенным спор о том, вышла ли наука уголовного права из криминологии или криминология – из уголовного права. В зависимости от того, какую позицию занимает оппонент, такое следует и утверждение. И здесь зачастую неизбежно влияние так называемого «человеческого фактора». Под его влиянием иной ученый не столько вдумывается в *научность аргумента*, сколько апеллирует к *авторитету примера*. Хотя все зависит от цели такого обращения.

В размышлениях над тем, что первично, что вторично в отношениях между криминологией и уголовным правом, возникает такая аналогия: пресловутый спор о курице и яйце – что из них является первичным. Но нас не интересует *приземленный* риторический, точнее, забавный спор, а посмотрим на эти отношения с *методологической* (условно говоря) высоты. Вспомним библейское объяснение происхождения мира, описание пятого дня творения (животного мира), в котором Бог сотворил «всякую птицу пернатую». Таким образом, курица есть *первичное создание*, а яйцо – *его производное*.

Кстати, данное теологическое положение представляется очень даже уместным в другой аналогии: что первично в определении сущности преступления и запрета на него. Здесь мы имеем дело вовсе не с забавностью спора, а с его научно-доказательственным разрешением, а именно формальным определением преступления: преступно то, что запрещено под страхом уголовного наказания. Таким образом, нет запрета, нет и преступления.

И в этом случае нет, пожалуй, более образного выражения духа такого понимания закона, как это сделал поэт М.А. Волошин в стихотворении «Бунтовщик»: «Все преступленья создает закон... Перед преступником Виновно государство».

Заметим в связи с этим, что существует опасность юридической оценки этого жизненного факта, точнее, поэтического образа с позиции сегодняшнего формалиста в вопросах борьбы с экстремизмом как деяния «экстремистской

направленности», т.е. запрещенного Уголовным кодексом РФ (преступления против государственной власти). Тому есть прецеденты, например история с картиной русского художника В.М. Васнецова «Встреча Олега с кудесником», которую эксперты признали экстремистской [6].

В этом мы видим проявление сложной проблемы, которая заключается в неоднозначной оценке преступления, а следовательно, и в неоднозначном выборе мер предупреждения. «Все преступления создает закон» – это, по образному выражению проф. Д.А. Шестакова, есть очевидный «мираж порождения» [7, с. 59]. Разумеется, осознание необходимости запрета на избранный акт поведения человека диктуется именно подобным актом и очевидной возможностью его повторяемости в социальной среде. Хотя не существует правил без исключений. Как пишет опять же А.Д. Шестаков, «подлинно законодатель порождает преступное поведение и целые его виды при криминологически необоснованном введении на те или иные деяния уголовно-правового запрета» [8, с. 146].

Первое преступление совершил *первый* созданным Богом белый ангел, любимец и «телохранитель» Бога архангел Денница (который, низвергнутый в ад, превратившись в змея, ввергнет в искушение Еву). Приступая к творению мира белых ангелов, всезнающий Бог предвидел *неизбежность* конфликта между добром и злом, поэтому и определял границы дозволенного и недозволенного (гордыня, зависть и т.д.). И именно первое же созданное им существо возгордилось своим положением, проявило зависть по отношению к Богу, и ему самому захотелось встать на место Создателя и управлять миром. И потому он был наказан, низвергнут в ад, где падший ангел превратился в дьявольскую силу.

Нечто подобное произошло и с первыми людьми, для которых их создатель предусмотрительно ввел запрет на плоды дерева знания. Он не хотел, чтобы люди познали зло. Но был обречен на бессилие... перед силой Закона природы.

Такое философское, методологически важное положение о преступлении (преступности) как закономерном, объективном явлении ставит вопрос о бесполезности поиска ответа на вопрос о генезисе преступления, а значит, и возможности избавления человечества от преступности, тем более с помощью уголовного закона. Уголовное наказание – крайняя мера в противодействии преступности. И эта крайность чревата последствиями. Необходимо формировать систему криминологических знаний исходя преж-

де всего из системного явления преступности, чтобы успешно бороться с ней.

Но что бы хотелось сказать в связи с грядущей (а она, мы убеждены, неизбежна) систематизацией отраслевых криминологических знаний в единую родовую науку о криминале?

Первое. Необходимо спор о статусе криминологии перевести из области *безграничных* индивидуальных концепций в область методологически ограничивающей процесс систематизации знаний о криминале. Мы имеем в виду строгое следование в своих размышлениях методологическим законам мышления.

Представляется, что проблему единства криминологии необходимо решать прежде всего не общенаучными методами, например, *анализа* (при этом сравнивая отрасли и находя в них буквально всё, что нужно исследователю, – то, что их объединяет, и то, что делает их уникальными) и *синтеза* (соединяя разрозненные элементы в набор и затем в систему). Данный подход хорош в выявлении и рассмотрении взаимосвязей научных отраслей, роли и значения отдельных характеристик для каждой отрасли, определяя интеграцию потенциалов, или синергий, в познании предмета исследования (преступления), в выработке научно обоснованных решений для практики (противодействия преступности).

Этот плодотворный процесс в современной науке о криминале принял дифференцированный характер, что вызвало активную специализацию криминологов [4, с. 309]. И чем больше появляется частных теорий (пенитенциарной, политической, электоральной, экономической и иной криминологической теории), тем заметнее проявляется озабоченность ряда коллег о «растаскивании» науки по разным квартирам и соответственно об утрате, образно говоря, того самого родства, от которого отошел «непомнящий Иван».

Возвращаясь к идее систематизации знаний о криминале в общую, родовую науку, подчеркнем, следует серьезно задуматься над ее методологией, а именно избрать иной подход, т.е., повторимся, не ограничиваясь анализом и сравнением, поиском «стыковочных узлов» отдельных отраслей, традиционным рассмотрением «криминологии в ряду других дисциплин», а обратившись к иной задаче – нужно научиться видеть и исследовать то, что объединяет отрасли, какой аккумулятивный эффект, в каких направлениях познания может быть рассчитан и использован в теории и практике.

И здесь важно определиться с предметом так называемой «расширенной науки» криминологии. Этим предметом может быть определена *проблемная ситуация*, которую следует отнести к области *науковедения*. Науковедение пред-

ставляет собой систему предпосылочных знаний, которые позволяют изучать структуру, динамику, функциональность, методы и другие элементы науки и пути её развития. Цель «криминологического» науковедения предполагает разработку теоретического понимания и объяснения (концепцию) науки, определение её места и роли в социально-юридической сфере жизнедеятельности общества [9, с. 282–283].

Применительно к «новой» криминологии предмет ее может быть определен в очень общем виде (эту идею в свое время предложил проф. А.А. Пионтковский) – *система противодействия преступности*.

Основываясь на данном определении, можно предложить дефиницию понятия *предмета* криминологии, которым охвачены отношения в сфере *противодействия преступности*, возникновение, развитие и прекращение которых связано с преступностью, её причинами, методами и средствами противодействия.

Главная цель этой родовой науки заключается в обеспечении эффективного функционирования системы. Отсюда формируются и задачи. *Главной задачей* видится эффективное управление знаниями о данной системе, т.е., во-первых, накопление и обработка знаний (особенно – об опыте противодействия) и, во-вторых, научное обеспечение отраслевых механизмов противодействия преступности.

Анализ характера взаимосвязей криминологии в различных аспектах на этапах её становления и развития позволяет видеть определённую специфику функциональности этой науки. Представляется бесспорным то обстоятельство, что криминология изучает не просто закономерности преступности и «антипреступности» (системы противодействия ей), но и закономерности развития отраслей права криминологического цикла, в особенности механизмы реализации правовых мер предупреждения преступлений.

В частности, в этих отношениях «расширенной науки» криминологии видятся как минимум четыре её специальные функции: *интегративная, концептуальная, правообразовательная и оптимизирующая*.

Интегративная функция (от лат. integer – полный, целый) означает обеспечение целостности и полноты системы знаний о криминале.

Концептуальную функцию можно определить как формирование определённой системы взглядов на какое-либо явление, например, преступность как свойство общества и как свойство деяния; преступление как жизненный факт и юридическая категория; коррупция как противоречивый фактор социального, особенно государственного, управления и как угроза нацио-

нальной безопасности; антикриминальная безопасность и ее обеспечение; характер превентивных, в том числе виктимологических, мер различных институтов уголовного, процессуального, исправительного права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и в целом системы противодействия преступности и политики ее обеспечения и т.д.

Под правообразовательной функцией подразумевается правообразовательное творчество, прежде всего в области теоретического и эмпирического обоснования правообразовательных решений (например, криминализации, декриминализации и рекриминализации деяний, определения приоритетных направлений и задач антикриминальной политики и др.), участие в подготовительной деятельности, т.е. в создании условий для последующей правотворческой деятельности [10, с. 252].

Что касается *оптимизирующей* (лат. *optimus* – наилучший) функции, то ее смысл мы видим в освещении научными знаниями, прежде всего, системы противодействия преступности, уголовно-правовых институтов, антикриминальной политики, в саморазвитии криминологии. Характер, направленность и целесообразность данной функции предполагают в особенности создание соответствующих условий развития научной мысли и практической деятельности, обеспечивающей реализацию программирования и противодействия преступности, общих и специальных превентивных мер.

В целом же систематизация знаний о криминале предполагает научное обеспечение государственного правоохранительного управления в области противодействия преступности. И здесь в развитии криминологической мысли привлекают первоначальное внимание три аспекта, на которые, в частности, указывал профессор Г.А. Аванесов.

Первый аспект – обеспечение качественных изменений в системе предупредительного воздействия на преступность, особенно в новых направлениях – противодействия организованной преступности, коррупции, экстремизму, интернет-преступности и др.

Второй аспект – сокращение времени, затраченного на внедрение криминологических разработок, предложений, рекомендаций в практическую деятельность.

Третий аспект – расширение научных возможностей, т.е. увеличение вклада криминологии в практику противодействия преступности [11, с. 157].

Полагаем, что идея воссоздания и развития действительно *общетеоретической* науки криминологии, т.е. в ее, подчеркнем, широком, *родовом*, но не узком, отраслевом смысле, заслуживает обсуждения широкой юридической общественностью.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс», 1995. 303 с.
2. Шиханцов Г.Г. Криминология: Учебник. М.: Зерцало, 2001. 368 с.
3. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 110 с.
4. Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Издательство «НОРМА» (Издательская группа «НОРМА–ИНФРА-М»), 2000. 808 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. 20 с.
6. Русский художник Виктор Васнецов – экстремист! URL: <http://eot.su/node/7315>.
7. Шестаков Д.А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2 (21). С. 59–65.
8. Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 561 с.
9. Науковедение. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 561 с.
10. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. М.: МЗЮ Прспект, 2013. 432 с.
11. Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я., Эриашвили Н.Д. Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с.

References

CRIME AS AN OBJECT AND FACTOR IN THE SYSTEMATIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT CRIMINALITY

A.G. Gorshenkov, G.G. Gorshenkov, G.N. Gorshenkov

The authors present their approach to a new understanding of the science of crime, which is based on the original historical experience of scientific research into crime in general and criminal offenses as its separate manifestations. They prove the need to integrate the general fundamental ideas and theses of scientific disciplines of the anti-crime cycle into a single system of knowledge about crime and punishment, causes of crime and prevention measures, and to provide political support to the system for combating crime on the basis of a common methodology.

Keywords: criminality, crime, punishment, generic criminology, «advanced science», branch of criminology, criminal policy, science studies, functions.

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah. M.: Firma «Stels», 1995. 303 s.
2. Shihancov G.G. Kriminologiya: Uchebnik. M.: Zercalo, 2001. 368 c.
3. List F. Zadachi ugolovnoj politiki. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie / Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M, 2004. 110 s.
4. Rossijskaya kriminologicheskaya ehnciklopediya / Pod obshch. red. A.I. Dolgovej. M.: Izdatel'stvo «NORMA» (Izdatel'skaya gruppa «NORMA–INFRA-M»), 2000. 808 s.
5. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki. SPb., 1908. 20 s.
6. Russkij hudozhnik Viktor Vasnevov – ehkstremit! URL: <http://eot.su/node/7315>.
7. Shestakov D.A. Fiksiya porozhdeniya prestuplenij zakonom. Kriminologicheskoe opredelenie prestupleniya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2011. № 2 (21). S. 59–65.
8. Shestakov D.A. Kriminologiya: novye podhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodejstvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire: Uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. / Predisl. V.P. Sal'nikova. SPb.: Izdvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2006. 561 s.
9. Naukovedenie. Filosofskij slovar' / Pod red. I.T. Frolova. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1991. 561 s.
10. Marchenko M.N., Deryabina E.M. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya bakalavrov. M.: M30 Prospekt, 2013. 432 s.
11. Avanesov G.A., Inshakov S.M., Lebedev S.Ya., Ehriashvili N.D. Kriminologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti

021100 «Yurisprudenciya» / Pod red. G.A. Avanesova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YuNITI-DANA, 2006. 495 s.